

Марк Захаров назвал его новым Чеховым. В "Ленкоме" уже много лет идет его пьеса "Школа для эмигрантов", а пьеса "Река на асфальте" была поставлена в Театре Олега Табакова. Литературные критики зачислили его в "эротические психологи" и дважды выдвигали на главную литературную премию "Букер" за романы "40 лет Чанжое" и "Последний сон разума". Самый известный его телепроект — "Золотая лихорадка" с Леонидом Ярмольником — несколько лет лихорадил страну. Дмитрий Липскеров — модный молодой писатель, любимец глянцевого журнала. В его судьбе были Щукинское театральное училище, эмиграция в Америку, брак с красавицей актрисой Еленой Кориковой. Это он вывел из строя солистку группы "Стрелки" по кличке Мышка, которая родила ему сына и забылась в материнском счастье. И это он создал в Москве ресторан "Дрова" — приют для интеллектуальной богемы. Все в его пестрой жизни подтверждает истину, что писатель в России больше, чем писатель. Не может он сидеть в ожидании, когда напишется его роман, и грызть куриную косточку на "слезки" от гонимых.

ДМИТРИЙ ЛИПСКЕРОВ: Я присутствовал при родах

— Ресторан, который вы держите, называется "Дрова". Это ассоциация с вашей жизнью, в которой вы успели наломать немало дров?

— За свои 36 лет я ничего не ломал. Я просто жил. Причем жил как хотел.

— И актером тоже хотели стать? Это ведь ваша первая профессия?

— В 17 лет я поступил в Щукинское театральное училище — со мной на курсе учился Максим Суханов, — но очень скоро понял, что мужчине актером быть стыдно. Актер — абсолютно зависимое существо. Причем зависимое повсеместно — от режиссера, от зрительских пристрастий, от своего внешнего вида и внутреннего состояния. Мне же всегда хотелось быть независимым и свободным.

— Как же получилось, что несостоявшийся актер, устыдившийся выбранной профессии, все же стал работать на театр в качестве драматурга?

— Я театр хорошо знаю с 15 лет. Именно благодаря этому я и стал писать пьесы. К тому же театральное училище — это огромная данность в образовании.

— После прочтения одной из ваших пьес Марк Захаров даже сказал, что в России родился новый Чехов. А вы сами как считаете?

— Человека с такой фамилией я больше не знаю в литературе. Хотя в 25 лет, когда мне была сказана эта фраза, она меня потрясла. Сейчас я уже ко всему отношусь скептически, иронично. К словам Марка Захарова тоже.

— Почему, когда судьба благоволит к вам, вы вдруг уезжаете в Америку? Вас там кто-то ждал?

— Это был 93-й год. Никто меня туда не звал. Друзей у меня там не было. Были знакомые. Я даже не знал языка. Мне просто захотелось сменить обстановку.

— Это было "бегство в никуда"?

— Я думаю, что поездка за океан это всегда — бегство в никуда.

— С чего начинал свою заокеанскую жизнь человек, которого в Москве называли новым Чеховым?

— С освоения профессии пиццмен. Затем в Нью-Йорке устроился на телевидение.

— У вас было желание остаться в Америке навсегда?

— У меня сначала были планы, чтобы остаться, но когда пришло время возвращаться, я совершенно спокойно это сделал. В отличие от тех людей, которые там сидят, и ощущение их несчастья в чужой стране очевидно. Писатель не может жить на чужбине. Он должен

МОЯ ЖЕНА — МЫШКА

вернуться, потому что настоящим писателем человек может стать только там, где он родился и вырос.

— Ваши герои идут туда, не зная куда, ищут то, не знают что. А куда идете и что ищете по жизни вы?

— По-моему, мои герои знают, чего ищут и чего хотят. У каждого есть цель — обрести счастье. Если говорить банально, то каждый человек стремится к этому. Все герои мучаются в поисках этого. Поэтому и кажется, что они идут туда, не зная куда, ищут то, не зная что. Но в конце концов все приходит на круги своя. Каждый что-то обретает.

— В ваших романах весь мир, как под микроскопом — просто детальное описание человеческих черт, рыбьих жабр, метания икры и т.д. Это что — дань увлечению биологией?

— Я никогда не увлекался биологией. Есть гиперреализм, где художник выпукло что-то описывает. Так требует данный эпизод. Мне, например, приятно описать те же самые жабры.

— А почему главным героем вашего следующего романа будет животное?

— Я предпочитаю об этом не говорить, пока это не появилось. Момент творчества — это как зачатие. Все равно мы никогда не поймем, как это происходит. Есть яйцеклетка, есть сперматозоид, есть слияние и деление клетки, но сам процесс оплодотворения мы никогда не поймем. Это что-то божественное. Так и художник. Он никогда не сможет проконтролировать свой первый замысел, что толкнуло его думать в ту или иную сторону. Я знаю только то, что в моем новом романе будет присутствовать животное.

— Какое оно будет?

— Какое оно будет... Этот вопрос я оставлю без комментариев.

— Ваш последний роман называется "Последний сон разума". Может, расшифруете название?

— Для того чтобы это понять, надо прочитать роман.

— Как вы относитесь к критике в свой адрес?

— Не люблю критику. Ни в каких видах и формах, тем более у нас она в основном заказная или бездарная. Но есть, конечно, и приятные исключения. Например, критика в Интернете.

— У многих писателей в процессе творчества были какие-то свои причуды. Толстой ел лепешки с медом, Гюго запирался в комнате, как узник. Руссо непременно прогуливался, считая, что движение тела провоцирует работу мозга. А у вас есть какие-либо свои капризы?

— Я, например, в основном пишу зимой. Итальянцы пишут в основном летом, потому что солнце, жизненные соки. А мы — жители холодной страны. Чем нам холоднее, тем лучше. Вдохновение — это разговор для обывателей и для детей. Вдохновение писателя — это его задница. 600 страниц текста — это 7–8 месяцев работы. Все это время человек не может находиться в состоянии вдохновения.

— Сегодня ваше имя вновь на слуху. Но в то же время вы, как человек за шторой — силуэт которого лишь проглядывается, но лицо мало кому видно. Почему Дмитрий Липскеров так редко появляется в обществе?

— Я не люблю то, что нынче обозначается не иначе как тусовка. Если я хочу с кем-то встретиться и поговорить, я позвоню и встречу.

— А много таких, кто тут же откликнется на ваш звонок?

— Я хорошо общаюсь с Валерой Тодоровским, с Александром Олейниковым.

— Ваши две бывшие жены тоже охотно откликнутся?

— Я поддерживаю отношения только с первой.

— А правда, что ваша нынешняя, третья жена — участница группы "Стрелки"?

— Да, правда.

— А как вы познакомились?

— На каком-то концерте.

— Вам нравится творчество этой группы?

— Это группа каких-то девушек, но что это — творчество?! Мне это все безумно не нравится! Хотя для кого-то участие в группе "Стрелки" предел всех мечтаний. То, что происходит на постсоветской эстраде, — это сопли, которые покрывают всю страну и разлетаются в брызги. В советские времена не все было плохо. У нас была масса замечательных исполнителей, которые обладали голосами. Мы знаем, что Муслим Магомаев делил оперу с эстрадой. А нынешняя эстрада — это время тотального торжества безголовых стрелок, белок, пытелок, свистелок и прочих орущих и дергающихся мальчиков и девочек.

— Интересно, как ваша жена относится к вашей столь безжалостной оценке?

— Она все понимает. К тому же я говорю достаточно аргументированно. Когда запрещали слушать западную музыку, до нас доходила лишь лучшая ее часть. Но мы всегда копируем самый низкий уровень. У нас на сегодняшний день нет ни одного настоящего голоса. Появился Басков, который получает 150000 долларов за концерт. Еще не оформившийся тенор, он пошел в эстраду, потому что там такая ниша для него оказалась. Существовать в поп-музыке и таким образом подняться. Хворостовский тоже мог бы петь что-либо подобное, но тем не менее он стал оперным певцом, известным на весь мир. То, что начинает петь Басков, — это просто заманивание ниши в поп-музыке, которая способна давать деньги сразу, быстро и много и сколько хочешь известности.

— Сколько же лет вашей избраннице, которая вас так понимает?

— Ей 22 года.

— А какое у нее сценическое имя?

— Мышка. Если это можно назвать именем.

— У вас родился ребенок?

— Этим летом родился сын — Константин.

— Вы присутствовали при родах?

— Да. Я считаю, что роды — это ответственный экзамен и для матери, и для отца. Это зрелище сложно анализировать. При этом надо присутствовать.

— Вы живете с Мышкой в гражданском браке?

— Я считаю, что на сегодняшний день брак не единственный способ общения мужчины и женщины. Можно общаться как угодно. Я это называю просто жизнью с человеком.

— Вас называют эротическим психологом. Мишель Турнье считал, что женщины бывают двух типов: женщина — бездельница, которой может украсить себя любой мужчина, и женщина — пейзаж, в пространствах которого можно заблудиться. А ваша женщина, какая она?

— Приятно так красиво говорить. Но я всегда влюблялся в женщин, которых я бы назвал так: глаза ягненка с волчьим блеском. Это было некое существо с распахнутыми глазами, похожее на ребенка по всем своим манерам, но с данными невероятной суки и стервы. Вот этот контраст меня всегда привлекал. Но со временем я стал по-другому относиться к этому типу. Все в жизни приходится и надоедает. Я стал встречать других женщин, которые способны быть верными, жертвенными, немеркантильными.

— Сейчас очень модно выкапывать свои дворянские корни, причем многие их обнаруживают.

— У меня нет никаких дворянских корней. И я не думаю, что многие их обнаруживают. Не так уж много было у нас "графьев" и "князей". А те, кто был, тех расстреляли. Поэтому маловато потомков-то осталось. Мой отец — известный сценарист-мультипликатор, а мама — ботала музыкальным редактором.

— Открытие ресторана у вас совпало с выходом нового романа. Как удаётся совмещать творчество с бизнесом?

— Бизнесом я занимаюсь исключительно потому, что литература не приносит мне денег вовсе. Можно было бы, конечно, прожить более скромно, но я считаю, что художник не должен быть голодным. Если он голодный, он всегда зависимый. Соответственно, на кого-то работает. К тому же мужчина, который не может содержать семью на должном уровне, не мужчина.

— Современному писателю нереально прожить на свой гонорар?

— Не то что нереально. Невозможно. Особенно той литературой, которой занимаюсь я. 300 долларов в год, сами понимаете.

— Вы верите в судьбу?

— Я верю, что звезды предполагают, а человек располагает.

— Правда ли, что вы знаете дату своей смерти?

— Я бывал у астрологов, и мне действительно назвали дату смерти. Некоторые астрологи считают, что кому-то можно ее сказать. Но сейчас я ни астрологией, ни магией, ни экстрасенсорикой, ни мистикой не увлечен абсолютно.

— А что на данный момент волнует Дмитрия Липскерова больше всего?

— У меня сейчас такое количество проектов, которые, как руины, погрязают меня под собой, что волноваться особо некогда. С творчеством это, к сожалению, никак не связано. Это отчасти бизнес, а отчасти общественные проекты. Так, например, я с Международным фондом "Покорение" придумал премию "Дебют" для молодых писателей до 25 лет. Уверю вас, что писатели очень не любят друг друга. Не с кем общаться, получать какие-то эмоции, литературные новации. Каждый из нас, с кем можно вразумительно поговорить, за спиной не чувствует ничего, кроме мертвого пространства. Поэтому появилась идея двинуть литературный процесс и вернуть России ощущение того, что поэт в России больше, чем поэт. Мы уже получили около 300000 писем. Понимаете, что это такое? Пусть из них 99% будут графоманы, но если один процент — люди хоть немного способные, а три человека окажутся талантливыми, я считаю, что все это оправдывается.

— Вы автор сценария нашумевшей в свое время телеигры "Золотая лихорадка". Какие отношения с телевидением сейчас?

— Никаких. Нашему телевидению не нужны авторы. Все деньги разбирают продюсеры, режиссеры, редакторы. Им лучше взять те программы, которые уже существуют.

— А вы не хотите сыграть роль в становлении нашего телевидения?

— Роль можно играть множество, но хочется играть главную роль в чем-то одном. Мой дедушка говорил, что интеллигент тот, кто профессионал в одном деле, а в остальном — дилетант.

— А каким бы вы хотели видеть себя через 20 лет?

— Живым. А так, как все, — почивать на лаврах? Человек это такое животное, которое будет мечтать о том, чего у него нет. Это естественно.

— Какое у вас жизненное кредо?

— Быть честным не только с другими, но и с самим собой.

— Вы считаете себя счастливым человеком?

— Счастливыми себя считают только идиоты. Счастье — это лишь миг. Жизнь создает условия, в которых счастливым себя чувствовать просто невозможно. А делить мир на пессимистов и оптимистов глупо. Оптимисты редко в жизни чего-то добиваются. Они не умеют замечать плохие стороны. А значит, не умеют обходить их стороной.